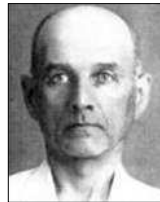

От автора

«Остромов, или Ученик чародея» — третья часть исторической трилогии, начатой романами «Оправдание» (2001) и «Орфография» (2003). Все три книги связаны второстепенными персонажами, но автономны. Читать их лучше в том порядке, в каком они написаны.

В основе сюжета — известное «дело ленинградских масонов» 1926 года, материалы которого опубликованы в составленной и прокомментированной А.Л. Никитиным книге «Эзотерическое масонство в советской России» (М., Минувшее, 2005). Личность Б. В. Астромова-Кириченко-Ватсона поныне вызывает споры: одни видят в нем романтика, другие — авантюриста и провокатора. Вне зависимости от того, кем он был в действительности, и даже от собственных его устремлений, — среди «бывших людей» второй половины двадцатых годов он играл заметную и неоднозначную роль. Она меня и занимала. Разумеется, Остромов не тождественен Астромову, и многие события, описанные в романе, сдвинуты во времени.

Б. Астромов-Кириченко-Ватсон
(в романе — Борис Остромов)

Д. Жуковский (в романе —
Даниил Галицкий)

Второй герой романа, Даниил Галицкий, некоторыми чертами близок своим тезкам Даниилу Андрееву и Даниилу Ювачеву, называвшему себя Хармсом, но более всего — к Даниилу Жуковскому, сыну Аделаиды Герцык, расстрелянному в 1938 году. Письма, стихи и воспоминания этого феноменально одаренного юноши опубликованы в сборнике «Таинства игры. Аделаида Герцык и ее дети» (М., Эллис Лак, 2007).

В работе над этой книгой мне помогали многие друзья, больше других — Александр Зотиков, Лада Панова, Евгений Марголит, Александр Гаррос, Дмитрий Ольшанский, Михаил Успенский, Лев Мочалов, а также сотрудники Дома-музея Волошина в Крыму. Но самую большую и самоотверженную помощь оказал мой друг Максим Чертанов, которого я и прошу принять благодарное посвящение.

Предупреждаю читателя, что описанные в романе способы подготовки к левитации ни в коем случае не следует практиковать в одиночку и без тщательной теоретической подготовки. Залог успеха — вдумчивость, основательность и доверие.

Названия частей книги имеют не хронологический, а особый сверхлогический смысл и обозначают не столько времена года, сколько степени познания.

Максиму Чертанову

Глупцы, пускаясь в авантюру
С одной лишь низостью в душе,
Себе приписывают сдуру
Всю авантюренность... Бомарше!
Естественно, у бомаршистов
Ум изощрен, размах неистов:
Сейчас дракона обкрадут,
Змею вокруг пальца обведут!
Но... Жертвы их корысти страстной,
Как поглядишь со стороны,
То беззащитны, то больны,
То простодушны и несчастны...
Так верят в добрую судьбу!
Столь кротко носят на горбу
Груз незаслуженных мучений,
Что Бомарше (добряк и гений)
Перевернулся бы в гробу.

НОВЕЛЛА МАТВЕЕВА

Люди, которые живут одиночками, которые все же немислимы вне нашего времени и нашего пространства, — занимают меня. Они — одиноки, враждебны друг другу, каждый из них живет за самого себя и ничем не обязан соседу, любовнице, брату. Они рождены одной эпохой, вскормлены другой и пытаются жить в третьей.

БЕНИАМИН КАВЕРИН

Но какая разительная и страшная случилась с ним перемена!

ДМИТРИЙ БЫКОВ. «Орфография»

Часть первая

ВЕСНА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Есть дома, в которых никто не был счастлив. Такой дом сам себе не рад. Стоит он на городской окраине, в конце кривой улицы, перегородив ее и означая собою тупик. За ним овраг, лопухи, зонтики дудника и сныти, ржавые остовы кроватей, разросшаяся сирень, в зарослях которой находят порою такое, что потом без дрожи не можешь вспомнить саму идею сирени. Здесь конец города, начало хаоса. Всякий, кто забрел сюда, хочет прочь отсюда.

Такой дом стоит в стороне от жизни, в складке времени, выстроенный хмурым, темным человеком, совершившим постыдную ошибку в самый миг рождения и сознающим, что исправить ее невозможно. Он строит его для своей семьи, чтобы мучить жену и тиранить отпрысков, либо для конторы, в которой намерен заниматься горьким и бессмысленным делом; а то еще бывает, что в такой дом поселяется священник, не верящий в Бога. Иногда пройдет мимо дома человек, наделенный зрением, всмотрится в серые доски, сменившие столько цветов — и веселенький голубенький, и вешний зелененький, будто можно судьбу перекрасить, — да и скажет себе: отчего не снести горбатую урочину? Вон уж всю улицу переастрои-

ли, одно это деревянное двухэтажное недоразумение болтается в конце улицы Защемиловской, прозванной так в честь деревни Защемиловка, в которой сорок пять дворов защемило меж двумя потоками Охты, да так и оставило навеки. Но тут как раз выясняется, что снести злосчастный дом никак нельзя, потому что размещается в нем учреждение, никому ни за чем не нужное, а стало быть, особенно важное. Обычное учреждение зачем-нибудь нужно, а потому у него есть начальство, с которым можно договориться — выждать присутственный час, подкараулить у двери, прорваться сквозь басовитое «я занят, за...» да и хлопнуться в ноги: ваше превосходительство, не велите казнить, прикажите снести чего-то заготовочный трест на Защемиловской! И в глазах начальства мелькнет осмысленный вопрос: что он там делает, этот трест? Ведь давно ничего не заготовливает! И глядишь, через полгода на месте двухэтажного позорища уже что-нибудь роют, или трамбуют, или хоть вбивают качели для детворы. Но есть учреждения, которые породила давно исчезнувшая инстанция, а потому пожаловаться на них некуда. Такое учреждение ходит прямо под Богом, да и он про него давно забыл; и справка из него непременно требуется при любом трудоустройстве, хотя зачем — не ответит и самый въедливый кадровик. И ведь улицу, улицу не переименуешь! Не то чтобы над ней летал ангел-хранитель, а просто она никому не подотчетна, выпала отовсюду, не во всяком справочнике упомянута: если бы кто о ней вспомнил — тотчас бы переименовал, как почти все улицы в городе, но тут в голову реформатора закрадется мысль — а не было ли на путиловском заводе сознательного пролетария Щемилова, погибшего в боях с царской шайкой еще в девятьсот пятом году? А ну за мной, крикнул пролетарий, и все побежали за Щемиловым, и улица с тех пор носит свое боевитое название, напоминая о подвиге героя, в следующую минуту изрубленного шашками в неопознаваемый фарш; почему-то о гибели товарища Щемилова хочется думать со злорадством, представляются даже слезы его молодой востроносой жены, но это просто день сегодня такой желчный, какие часто бывают в нашем городе. Мало ли у нас улиц, есть даже Бармалеева, хотя о героической гибели товарища Бармалеева, изрубленного в фарш царской шайкой, нам на данный момент ничего не известно.

Посещать такое учреждение хоть раз в жизни приходится всякому, и всякий норовит уйти оттуда поскорей, ибо чувствует помимо омерзения невероятную притягательность деревянного дома на окраине. Так притягивает другое измерение — то, в котором наши смыслы ничего не значат, а есть свои, для нас недоступные. Один совслужащий ходил, ходил за пустяковой справкой, для которой требовались еще и еще справки, — да так и пропал, и никто его не видел, поискать разве в овраге среди сирени. Иногда, выписывая наконец требуемый документ, начальник учреждения в последний момент, занесши уже печать над бланком, вдруг замирал и нехорошо глядел на просителя, как бы предлагая остаться. А может, останешься? Другой двери из этого мира нет, а через нас пожалуйста. Но овраг за домом был так пугающ, а зубы у начальника такие крупные, что проситель отводил взгляд, получал справочку и, не оглядываясь, летел по Защемиловской восвояси.

В таком-то доме располагалось в 1925 году Управление по учету жилого фонда города Ленинграда, занятое учетом пустующих помещений и аварийных зданий, ожидающих сноса.

2

Весной 1925 года в Ленинграде шептались о судьбе пишбарышни Ирочки, без остатка исчезнувшей среди рабочего дня при обстоятельствах невообразимых. Трудность была в том, что очевидцами Ирочкиного исчезновения оказались только прямой его виновник, Ирочкин начальник Мокеев, да потрясенная Лариса Шматко, девушка из Полтавы, приглашенная Мокеевым в свидетельницы крутого разговора. Желал дать полтавчанке понятие о своем могуществе, а заодно доставить радость зрелищем чужого разноса — ничего не поделаешь, таким ему представлялся характер Шматко; в другую не влюбился бы.

Говорили, будто Ирочка приглянулась Мокееву, но не ответила на притязания, — бросьте, она была вовсе не по нему. Как мужчина холостой и утомленный еще в Гражданскую имел право в рамках утара НЭПа. Но мог ли Мокеев домогаться существа столь жалкого,

как пишбарышня Ирочка — не бывшая даже, но бывшенькая, вшивенькая? Мокееву нравились женщины толстые, половое чувство было в нем сильно.

Мокеев вообще не понимал, зачем нужны такие, как Ирочка. Он удовольствовался бы, на худой конец, вспышкой гнева с ее стороны — все что-то живое, но проклятая водоросль не умела сердиться. Бледная, гибкая, с треугольным безвольным лицом, хлопающая прозрачными серыми глазами — она молча глотала его окрики, обещания оштрафовать, вычистить и сократить. Чем больше Мокеев орал на нее, тем сильнее злился на себя за это, — но поскольку плотные, сочные натуры не могут обращать гнев на себя, он привычно ненавидел Ирочку, повинную теперь и в том, что хороший человек вынужден драть горло, утомленное уже, напомним, в Гражданскую.

Ее ничто не брало. Он находил у нее выдуманные ошибки, сегодня разносил за одно, а завтра за противоположное, — она покорно кивала и переделывала, выполняя взаимоисключающие указания. Вся работа управления не могла иметь такого государственного значения, какое придавал Мокеев всякой Ирочкиной опечатке. Потом, место в коллективе: она не зналась ни с кем, убегала к старухе-тетке, полупарализованной генеральше, и ни в День работника коммунхоза, ни в День памяти изобретателя телеграфа товарища Морзе не отпраивалась с товарищами в культурный пивзал, хотя, казалось бы, кто ты такая. Если бы Мокеев хотел ее вычистить, он бы легко это сделал еще в прошлом году, когда первая волна сокращений покатила по канцеляриям и трестам Ленинграда. Но всего мучительней было знать, что пишбарышня Ирочка нужна Мокееву — без нее теперь и работа была не в радость. Руководство другими подчиненными, общим числом шесть, далеко не доставляло ему тех чувств. Ирочка была враг, слабый, покорный и тем неуязвимый. Сводить счеты с ней можно было бесконечно. Мокеев изобретал все новые штрафы и в роковой день исчезновения пишбарышни придумал сделать так, чтобы вовсе оставить ее в сентябре без оклада — под предлогом якобы утраченной копии отчета, которой он ей не давал. Ирочка притом знала, что отчета не существовало на свете, но возразить мешала подлая ее природа. В тот апрельский ве-

чер, светлый, воздушно-прозрачный, что случается иногда и на ленинградских широтах, — так что управление работало при открытых окнах, — Мокеев топтал Ирочку с особенной силой, все более заводясь, но отлично владея собою. Легче легкого было бы ему замолчать, внезапно смягчившись, — и он применил уже эту тактику, после пяти минут крика вдруг спросив вкрадчиво: «А может, дома что-нибудь, Абrikосова? Не стесняйтесь, скажите. Может быть, тетка больна?»

— Тетя умерла месяц назад, — прошелестела Ирочка, глядя перед собой птичьими, навсегда перепуганными глазами.

— Что ж вы не сказали? Или, по-вашему, тут звери сидят? Вы считаете меня кем, Абrikосова?

Все это он говорил сладко, вкрадчиво, по-товарищески. Шматко, нередко используемая им для живого примера, трепетала в углу.

— Вот Шматко, — медово продолжал он, наслаждаясь разбегом перед новым воспарением. — Недавно здесь, и не с Ленинграда, а с Полтавщины, славные боевые места. Пишмашинку, почитай, только тут увидела. А уже и часть коллектива, и гораздо производительней. Ведь я слежу, я подсчитываю. А что такое вы, Абrikосова? Почему вы считаете всех тут животными, а себя выше всех?!

— Я не считаю, — белыми губами сказала Ирочка.

— Не слышу! — закричал Мокеев. — Вы не достаиваете мне тут, вы не даете мне прямой ответ! Вы думаете, что, если ваша тетя умерла — и это надо еще выяснить, какая тетя, — вы можете саботировать! Так вы не можете тут саботировать, и я как участвовавший в Гражданской войне не позволю! Я сделаю так, что вы почувствуете! Я — вас — лишаю — месячного оклада!

Эту фразу он выговорил торжественно, шалея от сознания своей власти. Лишить месячного оклада сегодня — было жесточе, нежели убить тогда. Тогда жизнь стоила меньше нынешнего оклада.

Ирочка подняла на него прозрачные глаза с непролитыми слезами и посмотрела со сложным выражением, словно говоря: умоляю вас, остановитесь, ибо далее может произойти нечто от меня не зависящее; еще немного, и я не смогу это предотвратить. Но Мокеев не обучен был считывать такие сложные послания, набрал воздуха для следующей тирады, и этого оказалось достаточно, чтобы